

Utro Russii. 1915, October 13, p. 5.

Утро России. 1915, 13 октября, с. 5.

In memory of A. N. Scriabin.

First evening of the cycle.

Tomorrow marks the six-month anniversary of the end of Alexander Nikolaevich Scriabin's earthly life. Six difficult months that flew by, despite their full weight of misfortune, like six unnoticed alternations of dim day and dark night.

...has decayed

From the thin lightning of the spirit, the body's robe, Having
given fire to the source of fires.

What is left for us, having lost our spiritual leader, who illuminated the dull everyday life of our lives with the power of his genius?

Not only the sweet, aching pain of memories: "He lived among us," but also an active love for the wondrous creations of his genius. In them lies his immortal spirit, which will forever remain with us. Communion with them heals the pain of eternal separation.

The entire evening of the first concert of the Scriabin cycle, organized by the efforts of S. A. Koussevitzky, was dedicated to such communication with the creativity of the one who left us.

The first symphony, from the Scriabin era, "about a raging orchestra", the piano concerto that appeared shortly before it, and, finally, the "Divine Poem", colossal in conception and execution - that is the content of the first evening.

The flaw in the organization of this concert, and hence of the entire cycle, immediately becomes obvious. The omission of the second symphony is all too noticeable. And not only because the cycle is incomplete, because we have lost a superb work, but also because the second symphony is not only the threshold to the third, but also a very important milestone in the evolution of Scriabin's work.

The first symphony, which stood at the head of the program, despite its relative simplicity, "classical style" and harmonic uncomplexity, and indeed its independence from this, is a typical Scriabin work. It, like all of Scriabin's work, is characterized by the same fundamental idea of his musical and religious world-contemplation, which deepened, expanded, and crystallized into more perfect forms as he approached his last works, but which remained unchanged from the first symphony with its final "hymn to art" to "Prometheus" - the first sketch of the future Mystery.

This cosmic idea is what makes the first symphony so organic, so intrinsically Scriabinesque, and by accepting it, everyone will sooner or later accept Scriabin's entire oeuvre. It cannot be otherwise, for if the listener is not deprived of spiritual richness, if for him music is not merely an entertaining aural delight, but a religion, as it was for Scriabin, then in many moments of the first symphony, especially in the central *lento*, he will vividly sense the beginning movement of the creative essence from subjectivism to individualism, to the musical-religious, cosmic, absolute.

Mr. Koussevitzky performed the First Symphony quite simply, without pretentiousness, and this is the merit of the performance, which was somewhat loose in the *allegro drammatico* and generally lacking in definition. However, the *lento* at the concert was very good. The finale, in which co-vocalists Mrs. Pavlova and Mr. Alchevskiy, as well as the choir, also took part,

proceeded quite harmoniously, but without the enthusiasm that could have embellished the de-facto finale itself.

The real highlight of the evening, a truly beautiful, comradely wreath for the late artist's grave, was Rachmaninoff's performance of the F sharp minor Concerto. It is, of course, easy to criticize the remarkable pianist for his performance being very different from the composer's, and at times even somewhat alien in spirit. But how could one hope that Rachmaninoff would give an objective rendering?!

This interpretation lacked the flight and wit with which A. N. Scriabin charmed us. But one was captivated and delighted by the extraordinary integrity, completeness, and astonishing pianistic perfection of the performance. All the beauties of this work's sonority were superbly revealed by Rachmaninoff, and it is difficult to wish for a more perfect pianistic performance. Another artist, with a less pronounced individuality, spiritually closer to Scriabin, would very likely give a performance in more "Scriabin tones," but in terms of integrity and spontaneity of interpretation, after the composer, hardly anyone can compare with Rachmaninoff. If Rachmaninoff were to perform this concerto in the future, then having become more accustomed to the work, having taken into account some of the shortcomings of its orchestral accompaniment, and having achieved a more subtle accompaniment, he could easily make this concerto very popular with the general public.

The 3rd Symphony, the grandiose "Divine Poem," occupied the rest of the program. Having listened to it, as we had previously to the first symphony, we are inclined to remain convinced that Mr. Koussevitzky's true strong point and his finest achievement as Scriabin remains the "Poem of Ecstasy." In the "Divine Poem," he failed to combine soaring, spirituality with significance and scope. Everything somehow became compacted, grounded, and weighed down by materiality. The not entirely favourable acoustic conditions of the Nezlobin Theatre cannot be taken into account, since they rather served as a mitigating factor and moderated Mr. Koussevitzky's tendency toward sharp, contrasting sonorities and the forcing of bright orchestral colours.

From the outside, although the theatre was not completely full, the first evening of the cycle was very festive, although it did not rise to the liturgical beauty of a funeral celebration. Florestan.

[Translation: Google]

Въ память А. Н. Скрябина.

Первый вечеръ цикла.

Завтра полугодовщина, какъ пресѣклась земная жизнь Александра Николаевича Скрябина. Шесть тяжкихъ мѣсяцевъ, промчавшихся, не взирая на ихъ полно-вѣскую отягощенность бѣдами, какъ шесть незамѣченныхъ смѣнъ тусклаго дня и тем-ной ночи

...истлѣла

Отъ тонкихъ молній духа риза тѣла,

Отдавъ огонь источнику огней.

Что осталось намъ, потерявшимъ своего духовнаго вождя, который озарялъ тусклую повседневность нашей жизни силою своего гения?

Не только сладкая, щемящая боль вос-поминачій: «онъ между нами жилъ», —но и дѣятельная любовь къ дивнымъ созда-ніямъ его гения. Въ нихъ его бессмертный духъ,

который вѣчно пребудетъ съ нами. Общеніемъ съ ними врачуется боль вѣчной разлуки.

Такому общенію съ творчествомъ поки-нувшаго насъ былъ посвященъ весь вчерашній вечеръ перваго концерта скрябинскаго цикла, устраиваемаго заботами С. А.

Кусевицкаго.

Первая симфонія, эпохи Скрябина, «про бующаго оркестръ», незадолго до нея появившійся фортепіанный концертъ, и, на-конецъ, колоссальная по замыслу и выполнению «Божественная поэма» — вотъ содержаніе перваго вечера.

Ошибка въ сланѣ организации этого концерта, а отсюда и всего цикла, сразу становится очевидной. Пропускъ второй симфоніи слишкомъ ощутителенъ. И не потому лишь, что циклъ не полонъ, что мы лишились превосходнаго произведенія, но и оттого, что вторая симфонія не только преддверіе третьей, но и очень важный этапъ эволюціи скрябинскаго творчества.

Стоявшая во главѣ программы первая симфонія, несмотря на ея относительную простоту, «классическій стиль» и гармоническую несложность, а вѣрнѣе внѣ зависимости отъ этого, — типично-скрябинское произведеніе. Ей, какъ и всему творчеству Скрябина, присуща та же основная идея его музыкальнаго и религіознаго міросозерцанія, которая углублялась, расширялась и кристаллизовалась въ болѣе совершенныя формы по мѣрѣ приближенія къ послѣднимъ сочиненіямъ, но которая осталась неизмѣнной отъ первой симфоніи съ ея финальнымъ «гимномъ искусству» до «Прометея» — перваго эскиза будущей Мистеріи.

Эта космическая идея и дѣлаетъ такой органичной, такой внутренне-скрябинской первую симфонію, принявъ которую, всякій, рано или поздно, приметъ и все творчество Скрябина во всемъ его объемѣ. Иначе и быть не можетъ, ибо если слушатель не обдѣленъ духовной чуткостью, если для него музыка не только развлекающее ушеутодѣ, а религія, какой она была для Скрябина, то во многихъ моментахъ первой симфоніи, главнымъ образомъ въ центральномъ *lento*, онъ ярко почувствуетъ начавшееся движеніе творческой сущности отъ субъективизма къ индивидуализму, къ музыкально-религіозному, космическому, абсолюту.

Первая симфонія была исполнена г. Кусевицкимъ довольно просто, безъ вычуръ, и въ этомъ достоинства исполненія, бывшаго нѣсколько рыхлымъ въ вѣ *allegro drammatico*. и вообще мало рельефнымъ. Впрочемъ, *lento* на концертѣ прошло очень хорошо.

Финалъ, въ которомъ еще приняли участіе солисты г-жа Павлова и г. Алчевскій, а также хоръ, прошелъ довольно стройно, но безъ того увлеченія, которое могло скрасить дефекты самого финала.

Настоящимъ украшеніемъ вечера, по-истинѣ прекраснымъ товарищескимъ вѣнкомъ на могилу покойнаго художника, явилось исполненіе Рахманиновымъ *Fis-moll'*наго концерта. Нетрудно, разумѣется, послать замѣчательному піанисту упрекъ въ томъ, что его исполненіе сильно разнилось отъ авторскаго, а порою было ему по духу даже нѣсколько чуждымъ. Но какъ можно было надѣяться, что Рахманиновъ дастъ объективную передачу?!

Въ этой интерпретаціи не было той полетности и остроты, которыми чаровалъ насъ А. Н. Скрябинъ. Но плѣпала восхищала необычайная цѣльность, законченность и изумительное піанистическое совершенство исполненія. Всѣ красоты звучности этого произведенія были безподобно выявлены Рахманиновымъ и болѣе совершеннаго піанистически исполненія трудно даже желать. Другой артистъ, съ менѣе сильно выраженной индивидуальностью, духовно болѣе близкій Скрябину, весьма вѣроятно дастъ исполненіе въ болѣе «скрябинскихъ тонахъ» но по цѣльности и

непосредственности въ интерпретаціи съ Рахманиновымъ, послѣ автора, врядъ ли кто сравнится. Если бы Рахманиновъ и въ будущемъ сталъ играть этотъ концертъ, то болѣе привыкнувъ къ произведенію, учтя нѣкоторые недостатки его оркестроваго аккомпанимента, а также добившись болѣе тонкаго сопровожденія, онъ легко могъ бы сдѣлать этотъ концертъ очень популяр-нымъ въ широкой публикѣ.

Всю остальную часть программы заняла грандіозная «Божественная поэма» (3-я симфонія). Прослушавъ ее, какъ передъ тѣмъ первую симфонію, мы склонны остаться при убѣжденіи, что настоящимъ конь-комъ г. Кусевицкаго и его лучшимъ скрябинскимъ достиженіемъ попрежнему остается «Поэма экстаза». Въ «Божественной поэмѣ» ему не удалось соединить въ исполне-ніи полетности, одухотворенности съ значи-тельностью и размахомъ. Все какъ-то уплотнилось, приземлилось и отяготилось матеріализованностью. Не совсѣмъ благо-пріятныя акустическія условія незлобинскаго театра не могутъ быть приняты въ расчетъ, ибо онъ скорѣе послужили смягчающимъ факторомъ и умѣрили свойствен-ную г. Кусевицкому склонность къ рѣзкимъ контрастнымъ звучностямъ и къ форсированію яркихъ оркестровыхъ красокъ. Съ внѣшней стороны, хотя театръ и не совершенно полонъ, первый вечеръ цикла прошелъ очень парадно, правда, не подняв-шись до литургической красоты траурнаго торжества. Флорестанъ.